Воспоминанія о студентахъ Кіевской духовной академіи.

(съ 1819 — 1863 гг.)

Въ 1915 году Кіевская духовная академія праздновала трехсотлѣтіе своего существованія. Разрабатываютъ исторію академіи за этотъ періодъ нѣсколько профессоровъ этой академіи. Они, конечно, имѣютъ всѣ документальныя данныя для повѣствованія о жизни академіи во всѣхъ ея отношеніяхъ.

Мнѣ судилъ Богъ знать лично студентовъ Кіевской духовной академіи, окончившихъ въ первомъ академическомъ году (съ 1819—1829 г.) по ея преобразованіи. Нѣкоторыхъ изъ студентовъ академіи я только видѣлъ, какъ, напримѣръ, знаменитаго архіепископа Иннокентія (Борисова); нѣкоторые были моими учителями, напримѣръ, Андрей Демьяновичъ Граниковъ; нѣкоторые были коротко знакомы, какъ, напримѣръ, Аѳанасій Лотоцкій, бывшій намѣстникъ Почаевской лавры и скончавшійся въ званіи архимандрита, настоятеля Мелецкаго монастыря на Волыни; нѣкоторые же были моими учениками по Волынской, Смоленской и Полтавской семинаріямъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что студенты даже и изъ тѣхъ курсовъ, изъ которыхъ мнѣ стали извѣстны, т.-е. съ перваго курса по преобразованіи, получатъ подъ перомъ гг. профессоровъ, работающихъ надъ исторіей академіи, полный и возможно всесторонній очеркъ своихъ личностей и дѣятельности. Я въ своихъ воспоминаніяхъ не претендую ни на то, ни на другое. Мои замѣтки о студентахъ академіи носятъ характеръ дѣйствительной жизни, ни чуть не выдуманной.

Съ такимъ намѣреніемъ я и приступаю къ разсказу о студентахъ Кіевской духовной академіи съ перваго курса по преобразованіи.

Студенты первыхъ курсовъ по преобразованіи имѣли своими наставниками людей истинно благочестивыхъ. Извѣстно изъ наблюденій надъ жизнью, что первыя сѣмена, посѣянныя въ какомъ бы то ни было учрежденіи, слишкомъ сильно вліяютъ въ теченіе долгаго времени, и каждое учрежденіе долго живетъ духомъ своихъ первыхъ учредителей.

Кіевская духовная академія была тѣмъ счастлива, что она въ лицѣ первыхъ наставниковъ имѣла не поддѣльныхъ подвижниковъ благочестія, изъ которыхъ замѣчателенъ архимандритъ Мелетій (Леонтовичъ), скончавшійся 1840 года въ санѣ архіепископа харьковскаго. Когда Иннокентій (Борисовъ), архіепископъ харьковскій, устраивалъ подъ церковью архіерейскаго дома въ подвальномъ этажѣ новый храмъ, и когда рабочіе стали выбрасывать землю, то нашли тамъ кости нѣсколькихъ архіереевъ, а гробъ Мелетія найденъ съ нетлѣннымъ тѣломъ. Безъ всякаго сомнѣнія, архіепископъ Иннокентій, вспоминая подвижническую жизнь своего наставника академіи, не велѣлъ его болѣе предавать землѣ; и въ настоящее время архіепископъ Мелетій въ закрытомъ гробѣ почиваетъ нетлѣнно на виду всѣхъ въ нижней церкви архіерейскаго дома.

Первый курсъ.

(1819 — 1823 гг.)

Иванъ Борисовъ, воспитанникъ Орловской семинаріи, архимандритъ и потомъ епископъ Иннокентій, магистръ перваго курса. Съ 23 сентября 1823 года инспекторъ С-Петербургской семинаріи; съ 13 декабря 1824 года баккалавръ, съ 2 сентября 1825 г. инспекторъ и съ 7 января 1828 г. экстраординарный профессоръ С-Петербургской академіи. Въ 1826 г. за уроки по богословію и за сочиненіе: «Жизнь св. священномученика Кипріана, епископа карѳагенскаго, — Жизнь св. апостола Павла и Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа» возведенъ на степень доктора богословія. Съ 17 августа 1830 года ректоръ кіевской академіи и ординарный профессоръ богословія. Съ 3 октября 1837 года епископъ чичиринскій и викарій Кіевской епархіи, озатѣмъ вологодскій, харьковскій. Скончался въ 1857 году въ санѣ архіепископа херсонскаго.

Объ архіепископѣ Иннокентіи я могу только сказать то, что онъ проѣздомъ въ Петербургъ въ Св. Синодъ въ 1852 году остановился въ Кіевѣ, обѣдалъ у митрополита Филарета и посѣтилъ Кіевскую академію. Мы, студенты 16 и 17 курсовъ собраны были въ залъ, куда Иннокентій вошелъ въ сопровожденіи начальства и академической корпораціи. Мы ожидали отъ такого знаменитаго оратора слышать какое-нибудь назидательное наставленіе. Ничего подобнаго не было. При входѣ архіепископа пропѣли мы обычное «Царю небесный», онъ насъ благословилъ общимъ благословеніемъ; затѣмъ, окинувъ внимательно взоромъ залъ и взглянувъ на портреты, находящіеся въ немъ (а ихъ тогда было очень немного), сказалъ: все то же, портреты тѣ же. Это означало, что при его пріемникахъ по ректорству въ залѣ ничего новаго не было. Начальство поняло слова архіепископа Иннокентія такъ, что онъ не видѣлъ въ залѣ своего портрета и по отъѣздѣ обратилось съ письменной просьбой дозволить написать его портретъ и поставить въ залъ, на что со стороны Иннокентія послѣдовало согласіе.

Архіепископъ Иннокентій не производилъ какого-нибудь сильнаго впечатлѣнія своимъ внѣшнимъ видомъ. На портретахъ его изображаютъ очень интеллигентнымъ, красивымъ, съ оттѣнкомъ нѣкотораго изящества въ лицѣ. Ничего подобнаго въ Иннокентіи не было. Лицо его было простое, похожее по типу на простыхъ крестьянъ, жителей Орловской губерніи, какой онъ дѣйствительно и былъ уроженецъ. Руки его были невыхоленныя, какъ у многихъ архіереевъ, но, напротивъ, красныя, поросшія волосами. Преподавая намъ благословеніе, Иннокентій въ то же время въ полголоса разговаривалъ съ начальствомъ, что на насъ дѣйствовало непріятно, потому что мы привыкли отъ митрополита Филарета получать благословеніе съ полнымъ вниманіемъ къ тому, что намъ преподавалось. Иннокентій отъ природы ли или отъ привычки говорилъ въ носъ. Онъ такъ вліялъ на своихъ учениковъ, что многіе изъ нихъ старались подражать ему въ произношеніи, даже копировали и усваивали его почеркъ. Это впослѣдствіи время отъ времени повторялось въ Кіевской академіи даже въ пятнадцатомъ курсѣ. Михаилъ Филаретовъ, впослѣдствіи архимандритъ Филаретъ, ректоръ Кіевской академіи, затѣмъ епископъ рижскій, не будучи студентомъ курсовъ, бывшихъ при Иннокентіи, и не слушавъ его лекцій, поставилъ себѣ правиломъ подражать Иннокентію въ выго-

ворѣ. Было довольно смѣшно, когда Филаретъ, обладавшій открытымъ голосомъ, хорошимъ произношеніемъ, вдругъ вспомнивъ, что нужно ему подражать Иннокентію, начиналъ говорить въ носъ и кончилъ тѣмъ, что навсегда испортилъ свой отчетливый и открытый русскій выговоръ.

По словамъ каѳедральнаго протоіерея г. Одессы (разсказъ 1866 года) по смерти архіепископа Иннокентія его архивъ отвезли въ Петербургъ и представили въ Св. Синодъ, при чемъ набралось немало томовъ, потому что, зная даровитость Иннокентія, ему поручались нерѣдко государственные вопросы.

Тотъ же протоіерей передавалъ слѣдующій случай. Во время обзора епархіи въ Крыму (тогда архіепископу херсонскому былъ подчиненъ весь Крымъ, симферопольской епархіи не было) Иннокентій заболѣлъ; пригласивъ къ себѣ протоіерея, онъ сказалъ, чтобы вечеромъ собрались всѣ, сопровождавшіе его въ путешествіи, и онъ составилъ завѣщаніе на деньги, имѣющіяся у него, которыхъ наличными около пятисотъ тысячъ. Когда явились вечеромъ, Иннокентій чувствовалъ себя лучше и о завѣщаніи не говорилъ ни слова, но принялъ всѣхъ любезно, напоилъ чаемъ и отпустилъ. Никто не смѣлъ напомнить архіерею, что собрались не для угощенія, а для составленія завѣщанія.

По пріѣздѣ въ Одессу, въ непродолжительномъ времени Иннокентій скончался, не оставивъ завѣщанія. Деньги его укралъ одинъ изъ служащихъ, такъ что Иннокентія похоронили на соборный счетъ.

Архіепископъ Иннокентій умѣлъ привязывать къ себѣ людей. Мнѣ разсказывали, что онъ по временамъ собиралъ вокругъ себя кружокъ профессоровъ университета, преподавателей семинаріи и въ этомъ кружкѣ велъ разсужденія на разныя темы. Случалось часто, что Иннокентій вступалъ съ кѣмъ-нибудь въ собесѣдованіе, предоставлялъ своему оппоненту говорить и видимо соглашался съ нимъ. Затѣмъ Иннокентій спрашивалъ своего собесѣдника: кончили; и когда тотъ отвѣчалъ, что кончилъ, тогда Иннокентій и говорилъ: вотъ вы и ошибетесь, и начиналъ свои опроверженія.

Андрей Демьяновичъ Граниковъ, воспитанникъ Воронежской семинаріи, магистръ, а съ сентября 1823 года баккалавръ, съ 6 апрѣля 1831 года экстраординарный профессоръ всеобщей гражданской исторіи, а съ марта 1836 года ординарный профессоръ.

Андрей Демьяновичъ мой наставникъ въ Кіевской духовной академіи. Безъ сомнѣнія, біографическія свѣдѣнія о немъ собраны и изложены однимъ изъ профессоровъ составителемъ исторіи академіи; я только считаю долгомъ сообщить то впечатлѣніе, какое на насъ, студентовъ, производилъ онъ.

Андрей Демьяновичъ преподавалъ намъ всеобщую гражданскую исторію; читалъ онъ лекціи по тетрадкамъ, написаннымъ на синей бумагѣ. Устныхъ разсказовъ никогда мы отъ него не слыхали.

Андрей Демьяновичъ былъ также библіотекаремъ академіи; какъ библіотекарь, онъ былъ въ высшей степени любезенъ со студентами. Выдавая книги учащимся, онъ требовалъ аккуратности по отношенію къ нимъ и не допускалъ никакихъ поврежденій. Получая обратно учебники отъ студентовъ, онъ всегда освѣдомлялся о состояніи книги. Когда мы, студенты, сдавали учебники исторіи Кайданова, Андрей Демьяновичъ говоритъ: я не смотрю уже теперь въ эти книги: знаю, что вы въ нихъ пишете много глупостей.

А мы, зная аккуратность и точность Андрея Демьяновича, записывали на поляхъ исторіи Кайданова, съ какого числа Андрей Демьяновичъ начиналъ носить шубу, съ какого числа осеннее и весеннее пальто, съ какого лѣтнее, когда являлся на уроки во фракѣ (обязательно послѣдній онъ надѣвалъ въ день ангела отца каѳедральнаго протоіерея Іоанна Скворцова, профессора богословія университета св. Владиміра) и другіе подобные дни.

На своихъ лекціяхъ Андрей Демьяновичъ былъ всегда серьезенъ. Читалъ историческіе разсказы ровнымъ, размѣреннымъ темпомъ. Воодушевлялся онъ только при чтеніи двухъ героевъ — Александра Македонскаго и Альфреда Великаго. Въ семнадцатомъ курсѣ одинъ изъ моихъ товарищей Викторъ Юркевичъ во время самаго патетическаго изложенія Андреемъ Демьяновичемъ исторіи Александра Македонскаго зѣвнулъ; Андрей Демьяновичъ замѣтилъ это и только почесалъ около носа. Въ большинствѣ исторій Кайданова это событіе было записано.

Какъ аккуратный человѣкъ, Андрей Демьяновичъ въ нѣсколько каррикатурномъ видѣ описанъ Викторомъ Ипатьевичемъ Аскоченскимъ, редакторомъ - издателемъ «Домашней бесѣды», въ стихотвореніи «Очень порядочный человѣкъ».

Андрей Демьяновичъ Граниковъ скончался въ 1860 году въ чинѣ статскаго совѣтника.

Павелъ Діомидовъ, воспитанникъ Орловской семинаріи. Онъ долгое время былъ смотрителемъ Переяславскаго духовнаго училища, Полтавской губерніи и при немъ Переяславская бурса была въ томъ видѣ, въ какомъ ее описалъ Нарѣжный. Ученики о немъ отзывались, какъ о добромъ человѣкѣ. Извѣстенъ тѣмъ, что любилъ давать малороссійскимъ фамиліямъ великорусскій оттѣнокъ. Такъ, напримѣръ, Гаврило, впослѣдствіи ректоръ Полтавской духовной семинаріи, дѣлался у него Гавриловымъ, и т. д.

Вообще о жизни перваго курса (1819—1823 г.г.) Кіевской духовной академіи я знаю изъ разсказовъ студента перваго курса Аѳанасія Лотоцкаго,—впослѣдствіи архимандрита Амвросія. Онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее:

Студенты жили въ такъ называемомъ старомъ корпусѣ, внизу; желѣзныхъ рѣшетокъ въ окнахъ не было. Аудиторіи находились въ верхнемъ этажѣ того же корпуса. Жизнь студентовъ академіи, по словамъ архимандрита Амвросія, была въ высшей степени свободная, стѣсненій отъ начальства не было. Пользуясь тѣмъ, что въ окнахъ не было желѣзныхъ рѣшетокъ, студенты по вечерамъ уходили черезъ окна въ городъ и, проведя тамъ сколько угодно, такимъ же путемъ возвращались назадъ.

Одинъ, по словамъ того же архимандрита Амвросія, изъ студентовъ, харьковскій уроженецъ, чаще другихъ путешествовалъ въ городъ. Въ одну ночь онъ возвратился изъ города только въ одномъ бѣльѣ, даже сапоги съ него были сняты. Кровать его стояла подлѣ окна. Проснувшись утромъ, онъ обратился къ товарищамъ съ просьбой дать ему кирпичъ. Когда ему кирпичъ былъ поданъ, онъ разбилъ два нижнихъ стекла, оцарапалъ себѣ этимъ кирпичемъ лицо, бросилъ его на полъ и, обратясь къ одному изъ товарищей, который носилъ названіе старшаго [1]), сказалъ:—Старшій, пойди скажи отцу ректору, что у меня съ окна всю одежду украли, кирпичиной ранили въ лицо, а сапоги, братцы, дайте, потому что они на окнѣ не стояли.

Старшій такъ и сдѣлалъ. Ректоромъ академіи тогда былъ архимандритъ Моисей (Антиповъ), впослѣдствіи экзархъ Гру-

---

[1]) Старшими студентами въ семинаріяхъ и академіяхъ называются лучшіе студенты—ученики семинаріи по успѣхамъ и поведенію. Имъ поручается надзоръ за порядкомъ и вмѣняется въ обязанность наблюдать за товарищами. По окончаніи мѣсяца старшій долженъ подавать инспектору вѣдомость о поведеніи каждаго изъ товарищей.

зіи. Когда старшій доложилъ объ этомъ отцу ректору, послѣдній взглянулъ на разсказъ съ улыбкой. Приказалъ эконому сдѣлать все для студента, т.-е. сшить одежду. Но догадавшись, что это продѣлка студента, распорядился вставить въ окна желѣзныя рѣшетки.

По поводу подобнаго нововведенія случались такіе курьезы.

Помѣщенія съ рѣшетками въ окнахъ имѣли видъ тюремъ; и богомольцы, проходя мимо такихъ помѣщеній и видя тамъ, за рѣшеткой, молодыхъ людей, выражали сожалѣніе, что ранніе молодые, а уже попали въ тюремное заключеніе; иные изъ благочестивыхъ богомольцевъ клали на окна деньги.

Второй курсъ.

(1821—1825 г.г.).

Антоній Мартыновскій, кончилъ академію въ санѣ іеромонаха Анатолія, впослѣдствіи архіепископъ могилевскій, воспитанникъ Подольской семинаріи. Замѣчателенъ по своимъ ученымъ произведеніямъ. Его сочиненія о римскомъ католичествѣ считаются образцовыми.

По выходѣ на покой онъ жилъ и скончался въ одномъ изъ монастырей Кишиневской епархіи. Въ монастырѣ отъ монаховъ терпѣлъ онъ сильныя притѣсненія, которыя переносилъ терпѣливо и никогда не жаловался. Когда Павелъ, архіепископъ кишиневскій, при объѣздѣ епархіи узналъ объ этомъ, то спросилъ владыку Анатолія, правда ли, что онъ отъ монаховъ терпѣлъ притѣсненія.

Анатолій отвѣтилъ, что, напротивъ, ему въ монастырѣ живется очень хорошо и непріятностей отъ монаховъ онъ не видитъ никакихъ.

Замѣчателенъ оставшійся послѣ него портретъ. Онъ былъ написанъ красками на полотнѣ, а потомъ копіи продавали въ литографированномъ видѣ. На портретѣ владыка Анатолій изображенъ такъ: Архіерей, услышавшій звонъ къ литургіи, упалъ въ глубокую думу, предъ нимъ на столѣ, на который онъ облокотился, положенъ клобукъ, и въ клобукѣ вложены

всѣ ордена, какими тогда украшались архіереи во время богослуженія [1]).

Архіепископъ Анатолій былъ друженъ и, кажется, дальній родственникъ Гричулевичей, изъ которыхъ сынъ старца Гричулевича, извѣстнаго своими очень удачными проповѣдями на малороссійскомъ языкѣ, былъ въ Могилевѣ на Днѣпрѣ епископомъ и также носилъ имя Анатолія.

Николай Савченко, воспитанникъ Курской семинаріи, впослѣдствіи Нафанаилъ, епископъ полтавскій, потомъ архангелогородскій, скончавшійся въ званіи архіепископа черниговскаго.

Николай Савченко былъ сначала священникомъ; овдовѣвъ, онъ принялъ монашество. Какъ епископъ полтавскій, онъ оставилъ по себѣ въ епархіи недобрую память.

Въ Архангельскѣ онъ жилъ какъ въ ссылкѣ. Никогда не обозрѣвалъ епархіи, довелъ до запустѣнія и развалинъ архіерейскій домъ и тогда просилъ у Св. Синода разрѣшеніе купить новый, что было и разрѣшено. Купленный домъ находился на берегу рѣки Двины противъ пристани, на которой въ лѣтнее время происходили днемъ и ночью разныя работы, такъ что въ архіерейскомъ домѣ не было покоя для жильцовъ.

Такъ какъ въ этомъ домѣ не было домовой церкви, то епископъ Нафанаилъ устроилъ ее на одномъ изъ угловъ второго этажа. Иконостасъ въ храмѣ писалъ Александръ Васильевичъ Вьюшинъ; всѣ иконы были написаны въ видѣ литографическихъ снимковъ; предъ иконами не было устроено мѣсто для постановки свѣчей, освѣщались онѣ лампадами, придѣланными по бокамъ на пилястрахъ, а предъ самыми иконами не было ни свѣчъ, ни лампадъ. Только одна икона Божіей Матери была живописная. Ее держали два ангела, нарисованные по бокамъ.

Изъ Архангелогородской епархіи епископъ Нафанаилъ былъ переведенъ въ Черниговскую епархію, гдѣ въ званіи

[1]) Въ прежнее время архіереи во время священнослуженія въ слѣдъ за крестомъ и панагіей надѣвали всѣ ордена, какіе кто имѣлъ. Чрезвычайно непріятное впечатлѣніе производило то, что одинъ изъ иподіаконовъ во время литургіи только и занятъ былъ тѣмъ, что послѣ каждаго поклона, сдѣланаго архіереемъ, поправлялъ на спинѣ владыки орденскія ленты.

Ношеніе орденовъ во время священнослуженія отмѣнено по настоянію митрополита московскаго Іоанникія и оберъ-прокурора Св. Синода Константина Петровича Побѣдоносцева. Они хотѣли было совсѣмъ отмѣнить награды орденами духовенству, но не хотѣли дразнить, какъ выразился митрополитъ Іоанникій, петербургскаго митрополита Исидора и многихъ другихъ лицъ изъ высшаго духовенства, которые были противъ отмѣны орденовъ.

архіепископа скончался и погребенъ подъ Троицкимъ храмомъ въ монастырѣ.

Я съ нимъ впервые встрѣтился въ самомъ г. Архангельскѣ, когда былъ назначенъ настоятелемъ Пертоминскаго монастыря. Такъ какъ Нафанаилъ былъ епархіальнымъ архіереемъ, то я по долгу службы долженъ былъ ему представиться. Когда я ему представился, онъ отнесся ко мнѣ весьма благосклонно; мы съ нимъ долго сидѣли и разговаривали, подъ конецъ онъ сказалъ:— Удивительное дѣло: съ инымъ человѣкомъ ни слова не скажешь, а съ вами какъ будто мы всю жизнь прожили.

Вообще преосвященный Нафанаилъ былъ человѣкомъ всесторонне образованнымъ. Одинъ разъ онъ мнѣ цѣлый часъ говорилъ объ устройствѣ печей.

Однако, благосклонность епископа Нафанаила продолжалась ко мнѣ не долго. Нашлись люди, которые, воспользовавшись слабостью Нафанаила, охладили его добрыя отношенія ко мнѣ. У преосвященнаго Нафанаила, какъ и у многихъ другихъ стариковъ, было убѣжденіе, что онъ въ своихъ распоряженіяхъ вполнѣ самостоятеленъ. И чтобы такихъ людей вооружить противъ кого-нибудь, стоитъ имъ внушить мысль, что на нихъ вліяютъ другія лица къ нимъ близкія. То же было и съ Нафанаиломъ.

Нашлись люди, которые ему сказали, будто бы я хвалился гдѣ-то, что имѣю на него большое вліяніе, и онъ подъ такимъ вліяніемъ дѣлаетъ свои распоряженія. Преосвященный Нафанаилъ повѣрилъ этому и охладѣлъ ко мнѣ.

Когда я узналъ о причинѣ охлажденія его ко мнѣ, я ему выяснилъ, что я не только не говорилъ ничего подобнаго, но даже и не могъ сказать о какомъ-нибудь вліяніи на него потому, что въ Архангельскѣ бываю разъ, много два въ теченіе года; значитъ, съ нимъ вижусь рѣдко и то на самое короткое время, и потому не могло быть и рѣчи о томъ, что я могъ хвалиться гдѣ-нибудь близостью къ нему и вмѣшательствомъ въ епархіальныя дѣла. Преосвященный Нафанаилъ понялъ это, но тѣмъ не меньше продолжалъ относиться ко мнѣ довольно холодно.

Къ числу хорошихъ чертъ епископа Нафанаила можно упомянуть о томъ, что во время священнослуженія, совершаемаго имъ благолѣпно и безъ растягиваній, во время кажденія послѣ малаго входа, пѣвчіе пѣли по его приказанію «Заступница усердная»... вмѣсто ис полла эти, деспота.

Когда я замѣтилъ ему разъ о этой особенности его служенія, епископъ Нафанаилъ сказалъ: пусть лучше прославлаютъ Матерь Божію, чѣмъ восхвалять архіерея.

Николай Кардасевичъ, воспитанникъ Подольской семинаріи. Былъ протоіереемъ въ мѣстечкѣ Радзивиловъ, Волынской губерніи. Это былъ человѣкъ честный, благородный и высокой христіанской жизни.

Я познакомился съ нимъ во время службы моей въ Волынской духовной семинаріи, которая тогда помѣщалась въ г. Кременцѣ, часто ѣздилъ къ нему въ м. Радзивиловъ (отъ Кременца 25 верстъ) и видѣлъ въ немъ всегда умнаго, отзывчиваго участника въ каждомъ моемъ горькомъ положеніи.

Отецъ протоіерей ненавидимъ былъ поляками м. Радзивилова, такъ какъ онъ былъ чисто русскаго характера и направленія. Поляки и полякующіе русскіе дѣлали положеніе отца протоіерея тяжелымъ во всѣхъ отношеніяхъ. На кладбищѣ мѣстечка находилась церковь, на которую не давали никакихъ средствъ для ея поддержки; она сдѣлалась уже непригодной для служенія. Случайно въ м. Радзивиловъ умеръ и погребенъ былъ на кладбищѣ одинъ знатный сенаторъ изъ Петербурга. Надъ могилой его была устроена часовня. Эту часовню отецъ протоіерей обратилъ въ церковь, пристроивъ къ ней притворъ. Въ самой же церкви такъ было тѣсно, что могли помѣститься только священникъ, нѣсколько пѣвцовъ и человѣкъ десять богомольцевъ и то съ трудомъ.

Всѣми силами отецъ протоіерей старался поправить главный деревянный храмъ, чего наконецъ и достигъ.

Освященіе храма съ разрѣшенія епископа волынскаго Антонія (Павлинскаго) совершилъ самъ отецъ протоіерей съ двумя преподавателями Волынской духовной семинаріи.

Онъ мнѣ ничего достойно примѣчательнаго о жизни своей и товарищей по академіи не сообщалъ.

Василій Янчевскій, воспитанникъ Черниговской семинаріи. Былъ смотрителемъ Новгородъ Сѣверскаго духовнаго училища. Онъ долгое время занималъ эту должность и въ то же время былъ уѣзднымъ протоіереемъ.

Не могу судить о немъ какъ священникѣ, но какъ о смотрителѣ училища нельзя не сказать, что это былъ человѣкъ, думавшій только о себѣ и своей семьѣ, и не обращавшій никакого вниманія на несчастное положеніе учениковъ училища.

Должности учительской онъ не занималъ въ училищѣ, а только считался ея смотрителемъ. При немъ помѣщенія для учениковъ были отведены—четыре большихъ комнаты, въ зданіи училища, которое помѣщалось въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ г. Новгородъ-Сѣверска. Они содержались въ такой грязи, что когда пріѣхалъ ревизоръ изъ черниговскихъ преподавателей семинаріи, архимандритъ Іосифъ, начальство училища не могло домыться до досокъ.

Наслоеніе грязи было такъ велико, что требовалась геркулесовская сила, чтобы смыть ее. Начальство, не видя возможности смыть грязь до половъ, порѣшило только высыпать полъ пескомъ, и ревизоръ даже не сдѣлалъ за это замѣчанія начальству.

Кормили учениковъ только для поддержанія ихъ жизни. Чтобы имѣть что-нибудь для подкрѣпленія себя, ученики бурсы—казеннокоштные придумали такое средство. Зимою, когда классы совершенно не топились и бѣдные учителя и ученики сидѣли на урокахъ въ холодныхъ помѣщеніяхъ, казеннокоштные позволяли своекоштнымъ приходить въ ихъ помѣщенія и за это каждый своекоштный долженъ былъ внести въ пользу казеннокоштнаго два-три куска сала.

Этимъ достигалось только то, что ученики своекоштные окончательно выстуживали помѣщенія казеннокоштныхъ, сами отъ того нисколько не согрѣваясь. Кромѣ того двери въ помѣщенія казеннокоштныхъ учениковъ вели изъ холоднаго коридора.

Смотритель, Василій Янчевскій, все это видѣлъ и не принималъ никакихъ мѣръ къ улучшенію быта несчастныхъ дѣтей.

Мы, ученики, видѣли его въ училищѣ очень рѣдко.

Придетъ онъ, вызоветъ инспектора Крыловскаго, съ нимъ въ отдѣльномъ помѣщеніи для инспектора проведетъ нѣсколько часовъ и уйдетъ, а ученики остаются по-прежнему въ холодѣ и голодными. Новгородъ-Сѣверская бурса гораздо была хуже всего того, что описываетъ Помяловскій въ своей С.-Петербургской бурсѣ.

Больницы не было. Дѣло дошло до того, что больные ученики лежали въ тѣхъ же помѣщеніяхъ, гдѣ и жили. Одного изъ учениковъ нашли мертвымъ въ стоячемъ положеніи у своей кроватки; но на это никто не обратилъ вниманія. Таково было отношеніе Янчевскаго къ училищу и намъ.

Учителя съ нами обращались очень грубо; пороли насъ безъ милосердія; за всякую рѣзвость назначалась учителями

порка. Сидя въ холодныхъ помѣщеніяхъ, мы одинъ разъ придумали самую невинную шалость. Сдѣлали волчки, устроили кнутики и въ промежуткахъ между уроками, чтобы согрѣться, гоняли эти волчки по корридору. Одинъ изъ учителей, священникъ Громаковскій, узналъ объ этомъ, отобралъ наши игрушки и каждаго изъ участниковъ въ этой игрѣ подвергъ наказанію. И это все смотритель зналъ и допускалъ практиковаться такому отношенію учителей къ намъ.

Помнится, была разъ одна такая сцена. Одинъ изъ учениковъ зналъ, что отецъ его доставилъ одному изъ учителей рыбы. Когда этотъ мальчикъ разъ не зналъ урока, а видно мальчикъ былъ изнѣженъ, дома розги не зналъ и боялся ее, этого мальчика учитель приказалъ высѣчь. Услыхавъ это, мальчикъ бросился къ учителю, схватилъ его за ноги и кричалъ: Господинъ учитель, пощадите, рыбки привезу. Учитель этотъ страдалъ ревматизмомъ и, когда мальчикъ схватилъ его за больныя ноги, вышелъ изъ себя, приказалъ другимъ мальчикамъ оттащить отъ себя и еще болѣе его выпороть.

Таковъ былъ строй тогда въ Новгородъ-Сѣверскомъ духовномъ училищѣ, да и въ другихъ не лучше, какъ разсказывали товарищи по академіи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сообщ. ***А. М. Чижевскій.***

Воспоминанія студента Кіевской духовной академіи.

Третій курсъ [1]).

(1823—1827).

Стефанъ Шипулинскій, воспитанникъ Черниговской семинаріи, въ монашествѣ Рафаилъ. Магистръ академіи, съ 12 декабря 1827 года баккалавръ. По болѣзни въ 1829 году оставилъ службу при академіи.

Это, по словамъ знавшихъ его, очень умный и развитой человѣкъ. По оставленіи академіи онъ былъ преподавателемъ духовной семинаріи въ Переяславѣ Полтавской губерніи въ то время, когда тамъ былъ епископомъ Наѳанаилъ (Савченко).

Передавали, что одинъ разъ преосвященный Наѳанаилъ пришелъ къ отцу Рафаилу на урокъ священнаго писанія и на немъ, слушая отвѣты учениковъ и объясненіе преподавателя, сказалъ, что Евангеліе имѣетъ гораздо больше значенія, чѣмъ Апостолъ. Отецъ Рафаилъ, желая посмѣяться надъ владыкой Наѳанаиломъ, сказалъ:—Да, Евангеліе имѣетъ больше значенія, чѣмъ Апостолъ: оно лежитъ на престолѣ, а Апостолъ на клиросѣ; Евангеліе отдѣлывается въ золото, серебро, бархатъ, а Апостолъ переплетается въ кожу или весьма рѣдко въ шелковый переплетъ; Евангеліе читаютъ священнослужители, начиная съ архіереевъ не ниже діакона, а Апостолъ читаетъ дьячекъ или какой-нибудь шкурникъ.

Наѳанаилъ не вынесъ подобной насмѣшки, представилъ отца Рафаила къ увольненію изъ семинаріи, и онъ скончался въ званіи архимандрита въ Кіево-Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ и погребенъ въ Ѳеофаніи.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1917 г.

Живя на покоѣ въ Кіево-Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ, отецъ архимандритъ Рафаилъ велъ самую скромную жизнь.

Венедиктъ Павловичъ Чеховичъ, воспитанникъ Волынской семинаріи, магистръ академіи. Съ 14 декабря 1826 года баккалавръ, а съ 23 октября 1834 года ординарный профессоръ. Съ 1837 по 1846 гг. занималъ должность преподавателя физики въ Кіевскомъ Университетѣ св. Владиміра, а потомъ опять преподавалъ ее въ духовной академіи.

Венедиктъ Павловичъ намъ, студентамъ семнадцатаго курса, преподавалъ математику и физику, послѣднюю читалъ въ отдѣльномъ кабинетѣ и показывалъ намъ опыты. Онъ былъ очень благородный и честный учитель и знатокъ своего предмета. Я по окончаніи академіи бывалъ въ его домѣ, принятъ былъ всегда радушно и находилъ въ немъ и его семьѣ самый теплый пріемъ.

Невольно припоминается одинъ случай изъ его жизни. Въ Кіевской духовной академіи въ это время издавалось Воскресное чтеніе, основанное ректоромъ Иннокентіемъ (Борисовымъ). Статьи для печатанія составляли лица, состоящія на преподавательскихъ каѳедрахъ въ академіи. Нѣкоторые неохотно писали свои статьи, особенно не желалъ ничего помѣщать на страницахъ Воскреснаго чтенія Венедиктъ Павловичъ. Когда сослуживцы стали настаивать, чтобы онъ непремѣнно написалъ статью для журнала, Венедиктъ Павловичъ написалъ „Похвала молчанію“ и затѣмъ больше никогда ничего не писалъ. Зато его статья— „Похвала молчанію“ стоила по своему содержанію и характеру весьма много статей о разныхъ предметахъ, составленныхъ другими.

Венедиктъ Павловичъ Чеховичъ скончался въ 1862 году.

Алексѣй Минервинъ, воспитанникъ Воронежской семинаріи. Изъ профессоровъ Кіевской семинаріи съ 30 сентября 1831 года баккалавръ академіи, съ 17 марта 1848 года экстраординарный профессоръ русской гражданской и церковной исторіи.

Алексѣй Лукиловичъ преподавалъ намъ русскую исторію и былъ секретаремъ академическаго правленія. Это былъ человѣкъ, который совсѣмъ не занимался своимъ предметомъ и преподавалъ намъ исторію Россіи, читая по Устрялову. На первой лекціи передалъ намъ, что лучше Устрялова не скажешь, и потомъ всѣ два года младшаго курса читалъ по этому пособію.

Иногда Алексѣй Лукиловичъ съ улыбкой заявлялъ намъ, что если кто будетъ хорошо отвѣчать по исторіи, то скорѣе другихъ получитъ изъ правленія академіи нужные документы.

Скончался онъ отъ холеры въ 1851 году.

Василій Борисовичъ, воспитанникъ Подольской семинаріи, по принятіи монашества Аѳанасій. Изъ инспекторовъ Кіевской семинаріи съ 26 августа 1838 года баккалавръ; съ 5 октября 1840 г. экстраординарный профессоръ академіи; съ 23 іюля 1841 года ректоръ Вологодской семинаріи; впослѣдствіи ректоръ и профессоръ Черниговской семинаріи.

Я его знаю какъ своего ректора по Черниговской семинаріи. Это человѣкъ умный, энергичный. Поступивъ послѣ ректора семинаріи архимандрита Адріана, онъ поднялъ семинарію въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Къ сожалѣнію, онъ не долго былъ на этой должности и 5 декабря 1847 года скончался отъ холеры въ г. Черниговѣ.

Иванъ Литинскій, воспитанникъ Харьковской коллегіи; былъ преподавателемъ Черниговской духовной семинаріи.

Это былъ очень дѣльный, умный преподаватель. Отношенія его къ ученикамъ семинаріи были вполнѣ отеческія; особенно онъ въ семинаріи поднялъ чтеніе книгъ, которое требовалъ обязательнымъ, чѣмъ крайне былъ недоволенъ тогдашній библіотекарь Петръ Лаврентьевичъ Червинскій.

Въ семинаріи служилъ онъ довольно долго; къ сожалѣнію, скончался уже пожилымъ человѣкомъ отъ выстрѣла, что тогда было необычайнымъ явленіемъ.

Четвертый курсъ.

(1825—1829 г.).

Давидъ Александровичъ Подгурскій, воспитанникъ Подольской семинаріи; магистръ академіи. Изъ баккалавровъ польскаго языка съ 30 сентября 1821 года баккалавръ, и съ 24 декабря 1857 г. ординарный профессоръ физико-математическихъ наукъ. Съ 13 октября 1859 года уволенъ отъ преподаванія наукъ съ оставленіемъ въ должности ординарнаго профессора по классу латинской словесности.

Давидъ Александровичъ былъ у насъ, студентовъ семнадцатаго курса, преподавателемъ математики. Это былъ человѣкъ въ высшей степени добрый и благородный. Изъ студентовъ академіи не многіе занимались этимъ предметомъ, но Давидъ Александровичъ сносилъ все это терпѣливо.

Случались не разъ весьма курьезныя вещи. Одинъ изъ моихъ товарищей, Конокотинъ, человѣкъ весьма способный и даровитый, математикой совсѣмъ не занимался. Начальство знало какъ его даровитость, такъ и то, какъ онъ относится къ математикѣ.

Экзаменъ по математикѣ надо было сдавать всѣмъ. По вызовѣ Конокотина, Давидъ Александровичъ предложилъ ему такой вопросъ: изъ данной точки описать круговую линію. Конокотинъ, не смущаясь, поставилъ на доскѣ точку, сдѣлалъ вокругъ нея полукругъ, не вписавъ радіуса. Экзаменаторъ и начальство, получивъ такой отвѣтъ, улыбнулись, и Конокотину поставили три.

Вообще отъ ученика требовалось знаніе одного какого-нибудь предмета, избраннаго имъ по своей охотѣ и способностямъ; по остальнымъ предметамъ можно было по нѣкоторымъ имѣть отмѣтки и неудовлетворительныя, что не препятствовало переходу изъ одного курса въ другой—лишь бы въ общемъ было не менѣе трехъ.

Въ Давидѣ Александровичѣ насъ только удивляли нѣкоторые странные пріемы при преподаваніи геометріи. Напримѣръ, когда онъ писалъ на доскѣ кругъ, то поставитъ точку для обозначенія центра круга и долго къ ней приглядывается; затѣмъ снова быстро подойдетъ и продолжаетъ чертить на доскѣ кругъ.

Сообщ. **А. М. Чижевскій.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Воспоминанія студента Кіевской духовной академіи [1]).

Пятый курсъ.

(1827—1831 г.).

Николай Миткевичъ, воспитанникъ Черниговской семинаріи, въ монашествѣ Григорій. Магистръ академіи, съ 23 октября 1831 года баккалавръ; съ 14 октября 1833 года инспекторъ и профессоръ богословскихъ наукъ Казанской семинаріи; съ 23 іюля 1836 года инспекторъ Кіевской академіи; съ 24 декабря 1837 года ректоръ Ярославской семинаріи, затѣмъ архіепископъ калужскій. Въ Калугѣ епископомъ онъ былъ очень долго съ 1851 по 1869 годъ, что на одной епархіи рѣдкость.

Архіепископъ Григорій отличался строгостью жизни и не меньшей строгостью въ административномъ отношеніи, за что одинъ изъ учениковъ семинаріи, обиженный имъ, въ день Вознесенія во время совершенія Григоріемъ литургіи въ Лаврентьевскомъ монастырѣ (въ г. Калугѣ), ударилъ его подковой въ високъ. Къ счастью, Владыка получилъ только небольшое пораненіе.

Я съ архіепископомъ Григоріемъ лично хорошо былъ знакомъ. По его представленію я Святѣйшимъ Синодомъ былъ лишенъ званія архимандрита и монашества въ 1872 году. Когда я 28 августа, въ самый день выслушанія указа Св. Синода о лишеніи меня духовнаго званія, явился къ Григорію, онъ меня принялъ, окруженный своими келейниками.

Со времени удара, полученнаго имъ отъ семинариста, онъ боялся всѣхъ лицъ, представлявшихся ему. Когда я ему покло-

[1]) См. „Русскую Старину" февраль 1917 г.

нился въ ноги, Григорій сказалъ:—Зачѣмъ вы кланяетесь, вы уже не нашъ.

Я ему отвѣтилъ:—Хотя я и паршивая овца, но вашего стада. Григорій тогда могъ бы принять участіе въ моемъ положеніи, но онъ послѣ нанесеннаго ему оскорбленія относился ко всѣмъ совершенно равнодушно.

Въ послѣдствіи времени я велъ съ нимъ переписку по вопросу о Оптинской пустыни. Но объ этомъ будетъ помѣщено въ моей автобіографіи.

Надо еще сказать, что Григорій былъ очень красивъ, лицо его было очень типично и носило на себѣ слѣды архіерея-подвижника.

Скончался архіепископъ Григорій въ 1874 или 75 году.

Иванъ Петровичъ Максимовичъ, воспитанникъ Кіевской семинаріи; магистръ академіи; былъ профессоромъ Кіевской духовной семинаріи, съ 17 августа 1836 года баккалавръ, а съ 1 марта 1848 года ординарный профессоръ академіи по еврейскому языку.

Иванъ Петровичъ преподавалъ намъ, студентамъ, еврейскій языкъ и былъ помощникомъ библіотекаря. Кромѣ еврейскаго языка преподавалъ намъ еще библейскую археологію. Зналъ свой предметъ основательно и преподавалъ намъ очень интересно. Извѣстенъ онъ былъ и тѣмъ, что обладалъ замѣчательнымъ остроуміемъ, что иногда и обнаруживалъ во время своихъ уроковъ.

Скончался въ 1861 году.

Изъ этого пятаго курса былъ еще епископъ Вассіанъ (свѣтское имя я не помню), онъ былъ ректоромъ Черниговской семинаріи. Со мной лично былъ знакомъ, передавалъ мнѣ свою фамилію, но мною она забыта. Отъ ректорства по ограниченности своихъ способностей былъ уволенъ. Затѣмъ былъ настоятелемъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ. Назначенъ былъ епископомъ пермскимъ и скончался въ этомъ званіи на Пермской каѳедрѣ.

Шестой курсъ.

(1829—1833).

Петръ Семеновъ Арсеневъ, воспитанникъ Воронежской семинаріи, въ монашествѣ Ѳеофанъ. Магистръ академіи. Изъ баккалавровъ нѣмецкаго языка, съ 3 марта 1836 года, баккалавръ философскихъ наукъ; съ 22 октября 1839 года экстраординарный профессоръ, съ 1845 года ординарный профессоръ. Съ 1836 года состоялъ адъюнктомъ по каѳедрѣ философіи въ университетѣ Св.

Владиміра, гдѣ продолжалъ преподаваніе и по поступленіи въ монашество, которое принялъ 11 октября 1844 года. 16 іюля 1846 года возведенъ въ санъ архимандрита, съ 31 декабря 1846 года инспекторъ академіи. Заболѣвъ чахоткой, онъ просился въ Римъ и въ мартѣ 1850 года уволенъ былъ по прошенію отъ академической службы и опредѣленъ настоятелемъ при посольской церкви въ Римѣ.

Архимандритъ Ѳеофанъ замѣчателенъ какъ увлекательный философъ. Когда онъ преподавалъ свои лекціи въ университетѣ Св. Владиміра, то его уроки особенно по психологіи такъ увлекали студентовъ, что его послѣ лекціи выносили на рукахъ на подъѣздъ.

Я его видѣлъ проповѣдующимъ въ Кіево-Печерской лаврѣ. Онъ былъ очень худой, сильно близорукъ, носилъ очки. Видъ его былъ симпатичный.

Замѣчателенъ Арсеній еще и тѣмъ, что съ его поступленія въ начальники миссіи, архимандритъ сталъ носить не фраки и сюртуки, а рясы. Ѳеофанъ первый заявилъ, при назначеніи его въ миссію, что онъ приметъ назначеніе въ Римъ только тогда, когда ему дозволятъ носить бороду и монашеское одѣяніе. Доложили объ этомъ Императору Николаю I. Императоръ Николай I пожелалъ, чтобы ему лично представили Ѳеофана, и послѣ бесѣды съ нимъ изъявилъ свое соизволеніе на оставленіе рясы за начальниками Римской миссіи.

Скончался Ѳеофанъ въ Римѣ 31 марта 1852 года и погребенъ на кладбищѣ рядомъ съ могилой художника Брюлова.

Съ 1830 года начальство въ Кіевской духовной академіи принялъ Иннокентій (Борисовъ). Сдѣлавшись ректоромъ академіи, по замѣчанію Антонія (Амфитеатрова), бывшаго ректора Кіевской академіи, Иннокентій оказывалъ громадное вліяніе на направленіе академіи. По словамъ Антонія, Иннокентій подорвалъ въ академіи раціонализмъ, бывшій главнымъ направленіемъ среди студентовъ.

Седьмой курсъ.

(1831 - 1835 г.).

Климентъ Муретовъ, воспитанникъ Рязанской семинаріи. Магистръ академіи, въ монашествѣ Дмитрій. Съ 7 октября 1835 г. баккалавръ, а съ 6 сентября 1837 года ординарный профессоръ богословія; съ 4 февраля 1838 года инспекторъ академіи; а съ

24 апрѣля 1841 года ректоръ; съ 23 декабря 1850 года епископъ тульскій, затѣмъ херсонскій, ярославскій, волынскій и снова херсонскій, гдѣ и скончался.

Впервые я съ нимъ познакомился въ Одессѣ. Въ Одессу я пріѣхалъ въ началѣ марта 1866 года и съ разрѣшенія преосвященнаго Димитрія поселился въ архіерейскомъ домѣ. Прожилъ я тамъ до августа мѣсяца; часто съ владыкой участвовалъ въ служеніи литургіи въ соборѣ и слыхалъ его прекрасныя проповѣди.

Преосвященный Димитрій былъ человѣкъ рѣдкой доброты и совершенно нестяжательный. О пребываніи его въ Тульской епархіи я слыхалъ отъ одного моего друга, офицера Платона Александровича Верперевскаго слѣдующій разсказъ.

Преосвященный Димитрій, будучи тульскимъ епископомъ, освящалъ въ домѣ родственника офицера Платонова церковь. Послѣ освященія храма помѣщикъ предложилъ владыкѣ деньги, но преосвященный Димитрій ихъ не взялъ. Тогда эти деньги въ запечатанномъ конвертѣ положили ему въ карету. Когда Димитрій ѣхалъ отъ помѣщика, нищіе, завидя карету, стали кланяться и просить милостыню. Вмѣсто денегъ преосвященный выбросилъ имъ пакетъ съ деньгами. Нищіе подняли пакетъ, пришли въ село, прямо на барскій дворъ, и разсказали лакеямъ, какъ они просили милостыню, и вмѣсто денегъ баринъ выбросилъ имъ какую-то бумагу. Лакеи узнали въ этой бумагѣ пакетъ съ деньгами, положенный владыкѣ въ карету ихъ бариномъ. Доложили о случившемся помѣщику. Помѣщикъ позвалъ нищихъ, вскрылъ предъ ними пакетъ, показалъ имъ деньги и отдалъ ихъ.

Въ Одессѣ приходилось мнѣ слышать такіе же разсказы объ удивительномъ безкорыстіи и нестяжательности преосвященнаго Димитрія. Это былъ человѣкъ дѣйствительно высокой христіанской жизни.

Нельзя умолчать еще объ одномъ случаѣ. Во время возстанія населенія въ г. Одессѣ противъ евреевъ, преосвященный Димитрій не побоялся выѣхать въ толпу, остановилъ погромъ, за что послѣ іудеи поднесли ему библію на еврейскомъ языкѣ съ приличной надписью.

Скончался онъ 14 ноября 1884 года скоропостижно.

Восьмой курсъ.

(1833—1837).

Александръ Аретинскій, воспитанникъ Орловской семинаріи, магистръ академіи, въ монашествѣ Серафимъ; съ сентября 1837 г.

баккалавръ богословскихъ наукъ; съ 19 іюня 1842 года инспекторъ и профессоръ въ Казанской академіи, затѣмъ викарій Кіевской епархіи, а потомъ архіепископъ воронежскій.

Я представлялся преосвященному Серафиму въ 1862 году при перемѣщеніи меня изъ Волынской духовной семинаріи на должность инспектора Смоленской духовной семинаріи. Принятъ былъ имъ очень радушно, участвовалъ въ совершеніи литургіи въ Кіево-Михайловскомъ-Златоверхомъ монастырѣ, по окончаніи которой приглашенъ былъ на обѣдъ. За обѣдомъ присутствовали намѣстникъ Кіево-Печерской лавры Іоаннъ, впослѣдствіи архіепископъ полтавскій и жившій на покоѣ въ митрополическомъ домѣ въ Кіевѣ, Александръ, бывшій епископомъ полтавскій. Епископъ Александръ былъ замѣчательный разсказчикъ, онъ во время обѣда разсказами своими заинтересовалъ всѣхъ.

Серафимъ въ послѣдствіи времени сдѣланъ былъ архіепископомъ воронежскимъ, довольно долго управлялъ воронежской паствой и былъ любимъ за свою истинно-христіанскую жизнь.

Достойно замѣчанія и то, что за обѣдомъ прислуживалъ около стола въ качествѣ послушника молодой очень красивый монахъ Филаретъ, изъ гимназистовъ. Затѣмъ преосвященный Серафимъ взялъ его въ Воронежъ, возвелъ тамъ въ санъ епископа. Но не долго Филаретъ провелъ въ этомъ санѣ, такъ какъ скончался раньше Серафима отъ скоротечной чахотки.

Преосвященный Серафимъ былъ очень красивъ собой и очень симпатичный, почему его и въ Кіевѣ и въ Воронежѣ осаждали почитательницы, и онъ по своей мягкости въ характерѣ и вѣжливости въ пріемѣ не могъ отказывать имъ, когда онѣ безъ всякой церемоніи въ разное время дня осаждали его покои.

Такой наплывъ почитательницъ подавалъ поводъ къ разнымъ сплетнямъ о личной жизни преосвященнаго Серафима.

Иванъ Матвѣевичъ Бобровницкій, воспитанникъ Кіевской семинаріи, магистръ академіи; съ сентября 1837 года баккалавръ и съ 19 января 1859 года ординарный профессоръ греческаго языка. Съ 20 ноября 1848 года по 6 ноября 1857 года, а также съ 23 ноября 1861 года по іюнь 1869 года преподавалъ сей языкъ въ обоихъ отдѣленіяхъ.

Иванъ Матвѣевичъ былъ у меня преподавателемъ греческаго языка, преподавалъ очень сухо, вяло и тѣмъ нисколько не располагалъ студентовъ заниматься этимъ предметомъ. Онъ нерѣдко переиначивалъ фамиліи студентовъ, которыхъ вызывалъ къ отвѣту, что вызывало смѣхъ среди студентовъ,

Кромѣ преподавателя Иванъ Матвѣевичъ состоялъ секретаремъ редакціи „Воскреснаго Чтенія“, издававшагося тогда при Кіевской академіи.

Разъ посылая одного изъ моихъ товарищей съ посылкой на почту за полученіемъ денегъ, когда дѣло дошло до подписи, съ важностью сказалъ: „пишите ста-а-тскій совѣтникъ“. Тогда этотъ чинъ былъ очень важный, такъ какъ въ то время чины давались очень медленно и чинъ статскаго совѣтника трудно было получить въ академіи.

Иванъ Матвѣевичъ былъ женатъ на Орловой, дочери кіевскаго протоіерея, моей хорошой знакомой. Въ послѣдствіи времени дочь Ивана Матвѣевича вышла замужъ за доцента Кіевской академіи Лошкарева.

Николай Проценко-Михайловъ, воспитанникъ Черниговской семинаріи.

Въ то время лучшимъ черниговскимъ семинаристамъ къ ихъ фамиліи прибавляли фамилію Михайловъ.

Это дѣлали потому, что Михаилъ (Десницкій), епископъ черниговскій, впослѣдствіи митрополитъ петербургскій, оставилъ для черниговскихъ семинаристовъ при Кіевской академіи деньги, изъ которыхъ нѣкоторымъ давали стипендіи съ прибавленіемъ къ его фамиліи Михайловъ.

Проценко-Михайловъ былъ моимъ преподавателемъ въ Черниговскомъ духовномъ училищѣ. Это былъ человѣкъ очень умный, очень даровитый и дѣльный знатокъ своего предмета. Читалъ онъ намъ философскіе предметы очень интересно, особенно насъ заинтересовалъ философіей. Мы, ученики, охотно изучали его лекціи. Онъ также преподавалъ и латинскій языкъ.

Впослѣдствіи Проценко-Михайловъ принялъ санъ священства, былъ священникомъ при Черниговскомъ богоугодномъ заведеніи. Скончался онъ въ Черниговѣ въ своемъ домѣ.

Сообщ. **А. М. Чижевскій.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).